

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА И ТОЛЕРАНТНОСТИ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОДХОД

И. В. Рогозина, Н. Ю. Бухнер

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова,
г. Барнаул, Россия

В статье проводится краткий обзор теоретических и эмпирических (прикладных) зарубежных исследований, посвященных изучению толерантности как основы формирования межкультурного диалога. Авторами рассматриваются такие аспекты толерантности, как политический и социальный. В статье проанализированы различные подходы к определению уровня толерантности в обществе, используемые зарубежными учеными.

Ключевые слова: толерантность, терпимость, межкультурный диалог, индекс толерантности, Евросоюз.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF CROSS-CULTURAL DIALOGUE AND TOLERANCE: THE EUROPEAN APPROACH

I.V. Rogozina, N.JU. Buhner

Polzunov Altai State Technical University, Barnaul, Russia

The paper reviews theoretical and empirical foreign research papers dealing with tolerance as a foundation for developing cross-cultural dialogue. The authors deal with such aspects of tolerance as political and social. The paper analyses different approaches to measuring tolerance in society used by foreign researchers.

Keywords: tolerance, toleration, cross-cultural dialogue, indicator on tolerance, European Union.

В связи с тем, что европейские страны в силу исторических, политических и социальных причин создали Евросоюз и начали привлекать иностранную рабочую силу, были запущены механизмы, повлекшие за собой интенсификацию интеграционных процессов. Как следствие в разных европейских странах возникли проблемы, имеющие аналогичную социокультурную основу, обусловленную необходимостью формирования межкультурного диалога и толерантности. Поэтому закономерно, что европейские ученые начали активно заниматься этой проблематикой, как на теоретическом, так и на практическом (экспериментальном) уровне.

Не смотря на то, что в связи с последними событиями в Европе, высказываются мнения о кризисе идей мультикультурализма, эта критика, на наш взгляд, в большей степени относится к практической, не всегда ус-

пешной реализации представлений о толерантности, нежели к самой идее о плодотворности попыток организации межкультурного диалога [Рогозина, Бухнер, 2016]. Более того, в европейских странах разработана существенная теоретическая база, состоящая из целого корпуса работ, посвященных проблемам толерантности, и обладающая определенной научной ценностью, требующей своего осмысления. Необходимость такого осмысления диктуется процессами, происходящими в Российской Федерации и явившимися следствием распада Советского Союза. Не смотря на то, что количественное соотношение этносов изменилось в пользу титульной нации, начались активные миграционные процессы, прежде всего, из стран – бывших советских республик. Как следствие перед РФ встают проблемы, связанные с межэтническими отношениями, и возникает необхо-

димось создания контекста для межкультурного диалога и формирования межэтнической толерантности.

В силу сказанного представляется актуальным обратиться к тому, как в научной литературе понимаются такие ключевые для формирования межкультурного диалога понятия, как толерантность (*tolerance*), терпимость (*toleration*) и др.

Согласно Р. Форсту, понятия «толерантность» (*tolerance*) и «терпимость» (*toleration*) встречаются уже в трудах Цицерона, а позже занимают одно из центральных мест в христианском вероучении, главным образом, в связи с религиозно-политическими конфликтами, сопровождавшими период Реформации в Европе [Forst, 2007]. Однако, только в XX веке начинаются научные исследования, посвященные рассмотрению проблем толерантности. Так, самыми первыми исследованиями политической толерантности считаются труды С. А. Стоуфера [Stouffer, 1955]. Политическая толерантность становится актуальной в связи с движением за гражданские права, включая права чернокожих американцев в США. По этой причине толерантность в самых общих чертах понимается как уважение гражданских свобод и, в частности, свободы слова для представителей самых различных социальных групп [Accept pluralism..., 2013: 14]. К. Орлениус, пытаясь дать наиболее простое и краткое определение толерантности, говорит, что относиться к другим толерантно – это значит позволять им иметь «идеи и мнения, которые тебе не нравятся, или с которыми ты не согласен» [Orlenius, 2008: 469] [Перевод мой – И.Р.]. С. Мендус указывает на особый контекст проявления толерантности, заключающийся в неодобрении отдельных индивидуумов или группы индивидуумов, их действий и верований. Вместе с тем, этот же контекст не предполагает навязывания кому бы то ни было собственной точки зрения [Mendus, 1999: 8].

Однако, в европейской научной литературе находим мысль о том, что толерантность выражается не только в терпимости по отношению к политическим правам других, но и в принятии социо-культурных и социо-экономических различий в обществе [Weldon, 2006: 335]. С. Вильдман и С. Оскарсон предлагают различать социальную и политическую толерантность [Wildman, Oscarson, 2008]. А. Киршнер, М. Фрайтаг и К. Рапп указывают на то, что происходящие изменения социальных структур и ценностных систем диктуют настоятельную необходимость осмысления трансформирующихся моделей

толерантности вообще и социальной толерантности, в частности [Kirchner, Freitag, Rapp, 2011: 201]. П. Норрис понимает под социальной толерантностью «готовность жить и позволять жить другим, относясь терпимо к различиям в политических взглядах и образе жизни» [Norris, 2002: 158].

Не смотря на дифференциацию двух видов толерантности на уровне их теоретического осмысления, в научных трудах эти понятия предстают как тесно взаимосвязанные и взаимообусловленные, поскольку и политическая и социальная толерантность обуславливаются социально-экономическими, социетальными, культурными и иными факторами [Sullivan and Transue, 1999; Peffley and Rohrschneider, 2003; Weldon, 2006; Andersen and Fetner, 2008a; Ikeda and Richey, 2009]. По этой причине А. Киршнер, М. Фрайтаг и К. Рапп помещают политические институты в центр предлагаемой ими теории социальной толерантности [Kirchner, Freitag, Rapp, 2011: 201]. Они полагают, что такие особенности политических институтов как инклюзивность, универсальность и справедливость для всех способны снижать вероятность утраты социального статуса и тем самым вносить вклад в развитие социальной толерантности: когда люди верят в то, что политические институты обладают этими свойствами, они, как правило, относятся толерантнее к другим.

Анализируя изменение социальных ценностей, имевшее место в течение последних десятилетий, авторы статьи “Crafting tolerance: the role of political institutions in a comparative perspective” отмечают следующие характерные тенденции:

- уменьшение значимости традиционных семейных отношений;
- быстрое изменение религиозных убеждений;
- ускорение информационного обмена, связанного с появлением новых масс медиа [Kirchner, Freitag, Rapp, 2011: 203].

Воплощение этих тенденций в реальные практики приводит к тому, что традиционный образ жизни сменяется множеством альтернативных моделей, и у различных социальных групп появляются новые интересы [Kirchner, Freitag, Rapp, 2011: 203]. Эту же мысль находим у К. А. Верне и др., которые указывают на то, что дифференциация внутри социальных макроструктур и сопутствующий ей процесс модернизации изменяют ценности, восприятие других групп и отношения между ними [Wernet et al., 2005]. Таким образом, процесс дифференциации, с одной стороны, оказывается сопряженным с ростом

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА И ТОЛЕРАНТНОСТИ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОДХОД

толерантности в обществе, так как именно она ведет к разнообразию моделей поведения, а с другой, – разнообразие порождает определенное напряжение в обществе, проявляющее себя в снижении толерантности.

На этом этапе нашего рассуждения представляется уместным кратко остановиться на том, что в научной литературе наряду с понятием «толерантность» (tolerance), используется и понятие «терпимость» (toleration). Так, А. Р. Мерфи, рассматривая толерантность (tolerance) как практическое воплощение терпимости (toleration), определяет ее как систему взглядов, в то время как терпимость для него – это «совокупность социальных и политических практик» индивида [Murphy, 1997: 593].

Наряду с теоретическим осмыслением проблем толерантности европейские ученые проводят и прикладные исследования, позволяющие получать достоверную информацию об уровне толерантности / нетолерантности в обществе. С. А. Стоуфер одним из первых применяет метод опроса, предлагая респондентам назвать ту социальную группу, которая вызывает наибольшее отторжение. Затем в ходе опроса респонденты отвечают на вопрос о том, какие права должны быть предоставлены этой группе. В этом случае политическая толерантность измеряется, исходя из посылки о том, что толерантный человек может не разделять мнения членов этой группы, но одновременно признавать их право на другое мнение [Stouffer, 1955].

Опросник С. А. Стоуффера используется и другими учеными. Так, например, С. Вильдман и С. Оскарсон определяют уровень политической толерантности, предлагая респондентам ответить на вопрос о том, следует ли предоставить группе, вызывающей наибольшее неприятие, право проводить демонстрации [Wildman, Oscarson, 2008]. Уровень социальной толерантности измеряется посредством так называемого вопроса о соседях. Респондентов спрашивали, возражали бы они, если бы по соседству жили люди другой расы, мигранты, гомосексуалисты или больные СПИДом [Wildman, Oscarson, 2008].

За последние десятилетия было проведено большое количество подобных исследований, позволяющих оценить различные социально-экономические факторы, такие как уровень образования, религиозная принадлежность, идеологические предпочтения, гендер или этническое происхождение и их влияние на уровень политической толерантности [Cigler & Joslyn, 2002; Gibson, 1995,

2002; Gibson, 2006; Mutz, 2002; Persell, Green & Gurevich, 2001].

А. Киршнер, М. Фрайтаг и К. Рапп, опираясь на анализ данных World Values Survey за 2005-2008 гг., а также на статистические показатели 28 стран, и, используя индекс социальной толерантности, выявляют факторы, влияющие на индивидуальное восприятие различных социальных групп [Kirchner, Freitag, Rapp, 2011: 201]. В их исследовании индекс социальной толерантности является результатом обработки и анализа данных, полученных при ответе на задание – «Проранжируйте от 0 до 7 приведенные ниже социальные группы, по степени вашего нежелания видеть их в качестве соседей:

- люди другой расы;
- люди, больные СПИДом;
- мигранты/иностранцы-рабочие;
- гомосексуалисты;
- люди другой веры;
- люди, живущие в гражданском браке;
- люди, говорящие на другом языке»

[Kirchner, Freitag, Rapp, 2011: 225].

Согласно полученным результатам Швеция и Норвегия характеризуются самым высоким уровнем социальной толерантности, в то время как в Молдове, Украине, России, а также в таких азиатских странах как Индия, Индонезия, Южная Корея и Турция уровень социальной толерантности оценивается как низкий (рис. 1). Примечательно, что авторы исследования связывают уровень толерантности непосредственно с культурой страны.

В рамках проекта Civic Education Project исследователи измеряют гражданскую, социальную, политическую, избирательную активность наряду с толерантностью, причем полученные данные о политической толерантности представляются особенно достоверными, поскольку респонденты отвечают на вопрос о том, согласны ли они с тем, что представителям антидемократических групп должны быть предоставлены такие демократические права как право избирать и быть избранным, право на проведение демонстраций, право высказывать публично свое мнение и др. [Accept pluralism..., 2013: 14].

Инициированное Организацией Экономического Сотрудничества и Развития (OECD) определение показателя толерантности, базируется на вопросе о том, является ли город или район, в котором живут респонденты, хорошим местом для проживания этнических меньшинств, мигрантов и лиц

нетрадиционной сексуальной ориентации [Accept pluralism..., 2013: 15].

Таким образом, современной научной мыслью создан не только понятийный аппарат для осмысления важных сторон межэтнического взаимодействия, но и методологические основания выявления реального положения дел в этой области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рогозина И.В. Фрагмент локальной этнической картины мира: армяне как мигранты / И.В. Рогозина, Н.Ю. Бухнер // Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход-2016. Материалы международной научно-практической конференции. – Барнаул, 2016. – С. 6–14.
2. ACCEPT PLURALISM. Research Project. Tolerance, Pluralism and Social Cohesion: Responding to the Challenges of the 21st Century in Europe / edited by A. Triandafyllidou. – Italy, 2013. – 36 p.
3. Andersen, R. Cohort differences in tolerance of homosexuality – attitudinal change in Canada and the United States, 1981-2000 / R. Andersen, T. Fetner // Public Opinion Quarterly. – 2008. – № 72(2). – P. 311–330.
4. Cigler, A. The extensiveness of group membership and social capital: the impact on political tolerance attitudes / A. Cigler, M.R. Joslyn // Political Research Quarterly. – 2002. – № 55(1). – P. 7–25.
5. Forst, R. Toleration / R. Forst // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – 2007. – vol. 11. – P. 312–325.
6. Gibson, J.L. Homosexuals and the Ku Klux Klan: a contextual analysis of political tolerance / J.L. Gibson // Political Research Quarterly. – 1987. – № 40. – P. 427–448.
7. Gibson, J.L. Alternative measures of political tolerance – must tolerance be “least-liked”? / J.L. Gibson // American Journal of Political Science. – 1992. – № 36. – P. 560–577.
8. Ikeda, K. and The impact of diversity in informal social networks on tolerance in Japan / K. Ikeda, S. Richey // British Journal of Political Science. – 2009. – № 39(3). – P. 655–668.
9. Kirchner, A. Crafting tolerance: the role of political institutions in a comparative perspective / A. Kirchner, M. Freitag, C. Rapp // European Political Science Review. – 2011. – № 3. – P. 201–227.
10. Mendus, S. My brother's keeper: the politics of intolerance / S. Mendus. // The Politics of Toleration. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. – p. 1–13.
11. Murphy, A.R. Tolerance, toleration, and the liberal tradition / A.R. Murphy // Polity. – 1997. – № 29(4). – P. 593–623.

12. Mutz, D.C. Tolerance / D.C. Mutz, in N.J. Smelser and P.B. Baltes (eds) // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. – 2001. – Vol. 23. – P. 15766–15771.

13. Norris, P. (2002), Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism / P. Norris – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 303 p.

14. Orlenius, K. Tolerance of intolerance: values and virtues at stake in education / K. Orlenius // Journal of Moral Education. – 2008. – 37(4). – P. 467–484.

15. Peffley, M. and ‘Democratization and political tolerance in seventeen countries: a multi-level model of democratic learning’ / M. Peffley, R. Rohrschneider // Political Research Quarterly. – 2003 – № 56(3) – P. 243–257.

16. Persell, C.H. Civil society, economic distress, and social tolerance / C.H. Persell, A. Green and L. Gurevich // Sociological Forum. – 2001. – № 16(2). – P. 203–230.

17. Stouffer, S.A. Communism, Conformity and Civil Liberties / S.A. Stouffer. – New York: Doubleday, 1955. – 278 p.

18. Sullivan, J.L. Political Tolerance and American Democracy / J.L. Sullivan, J. Piereson, G.E. Marcus. – Chicago: The University Of Chicago Press, 1993. – 280 p.

19. Weldon, S.A. The institutional context of tolerance for ethnic minorities: a comparative, multilevel analysis of western Europe / S.A. Weldon // American Journal of Political Science. – 2006. – № 50(2). – P. 331–349.

20. Wernet, C.A. The postmodern individual: structural determinants of attitudes / C.A. Wernet, C. Elman, B.F. Pendleton // Comparative Sociology. – 2005. – № 4 (3–4). – P. 339–363.

21. Widmalm, S. and Oskarsson, S. Tolerance and Democracy in Liberal and Authoritarian Market Economies / S. Widmalm, S. Oskarsson // Report for the Glasshouse Forum, 2008. URL: http://www.glasshouseforum.org/pdf/GF_widmalm-oskarsson_tolerance.pdf (дата обращения 01.02.2017).

Рогозина Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор

Бухнер Наталия Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, Россия